

A surreal landscape featuring a woman with long blonde hair, wearing a long white dress with a black bodice, standing on a small green patch of grass. To her right is a large, bare, black tree. The background is a vast, flat expanse of water or sand under a dramatic, orange and yellow sky. Several colorful butterflies are scattered throughout the scene, some flying and some resting on the ground. In the top right corner, there is a circular icon containing the text '12+'.

12+

МАРИНА СУШИЛОВА
ОБ ЭТОМ...
ИЛИ ИНТЕРВЬЮ С ВЕДЬМОЙ

МАРИНА СУШИЛОВА

**Об этом... или
Интервью с ведьмой**

«ЛитРес: Самиздат»

2007

СУШИЛОВА М. Л.

Об этом... или Интервью с ведьмой / М. Л. СУШИЛОВА —
«ЛитРес: Самиздат», 2007

Как добиться успеха, любви и счастья, если природа обошла тебя стороной?
- Просто надо обуздать процесс, взять в свои руки. - Недаром же, на
протяжении веков были те, у чьих ног лежал весь мир! Кажется, что нет того,
что им неподвластно. Имя им - Ведьмы. В оформлении обложки использована
фотография с сайта [pixabay](http://pixabay.com).

© СУШИЛОВА М. Л., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Интервью	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Интервью

«Я – ведьма. Страшная и толстая. Бурая болотная бородавчатая жаба по сравнению со мной – нежный гиацинт. Ведь жаба по сути своей – милейшее существо. Ну, загнала ее мать – природа на болота, так все жабы живут там; ну, съест она десятка два комаров за день, так она же просто орудие от перенаселения болот и близлежащих селений комарами. Да и, кстати сказать, комары в глубинах болот все равно погибли бы от голода: мало, мало существ забредает в тайгу!.. и жаба, простите, тоже хочет жить, а, следовательно, ест то, что едят другие жабы, а все вместе – они питаются тем, что им предоставила матушка природа.

У меня все по-другому. Я переименовала свою сущность и пошла против всех других, окружающих меня жаб; пошла даже против матушки природы, которая определила мне местом проживания болото; я проигнорировала распоряжение Судьбы, что предназначила мне место в квакающем хоре. На взмах палочки, когда мне положено было сказать свое «ква» и больше не высываться (и даже не потому что это нескромно и нужно довольствоваться той ролью, которую для тебя отвели изначально), но еще и потому, что лишнее «ква», сказанное на полтона выше (или ниже), да и вообще лишнее «ква» ломает гармонию дружного лягушачьего хора. Хмурится грозно дирижер. Но он проводит вторую, пятую, десятую спевку и все ждет, когда же у той, с левого края прорежется, наконец, совесть.

А совесть не давала о себе знать. Наоборот, находилось все больше и больше оправданий: мол, раз уж меня создали такой бурой и бородавчатой, нужно с этим что-то делать. И немедленно!!!

То, что я некрасива, мне стала понятно еще в детском саду. Не то, чтобы со мной не играли или не дружили: вместе со всеми детьми я возилась в песочнице, играла в мяч, лепила, рисовала, танцевала, но никогда, слышите вы! никогда на мне не останавливался восторженный взгляд Ирины Петровны – нашей воспитательницы, которым она часто провожала Леночку. Она так ее и называла всегда: «Леночка» (меня же громко и отрывисто «Ольга» или по фамилии). Часто подзывая девочку к себе, она опрашивала на ней платице, расчесывала светлые волнистые волосы, переплетала косы. Иногда с увлечением начинала сооружать какие-то прически, красиво завязывая банты, и с удовольствием напоследок чмокала в розовую щеку. В такие моменты я всегда замирала и откуда-нибудь из укрытия наблюдала за этим проявлением обожания. Первое время, у меня были попытки подойти и забраться на колени к Ирине Петровне, чтобы и меня тоже погладили, приласкали, терпеливо терлась рядом, дожидаясь очереди. Но когда с прихорашиванием Леночки было покончено, Ирина Петровна резко вставала, громко хлопала в ладоши и звала группу, то на обед, то на прогулку, то в танцевальный зал. Однажды, я хотела опередить Леночку и оттолкнула ее, пытаясь первой подойти к воспитательнице, но та, крепко сжимая мне руку, потащила к спальне и закрыла там до тех пор, пока не причесала Леночку. Там, сидя на своей кровати, я плакала. Именно тогда закралось в мою душу подозрение, что никогда не смогу получить свою долю ласки и нежности. Мне вспоминались мои тщетные попытки получить одобрение: я приносила цветы, рисовала, пела, танцевала, я так старалась! Меня хвалили, говорили: «Спасибо!», – но вот того вздоха восхищения, того восторженного взгляда, мне никогда не удавалось поймать. Он всегда был направлен мимо меня к кукольной головке Леночки. И это мучило меня, я хорошо помню себя в шесть лет, меня это так мучило!

Потом Леночка вдруг заболела, и ритуал ее прихорашивания прекратился. Я слышала, как Ирина Петровна говорила нашей нянечке Анне Семеновне, что Леночку теперь будут водить в другой садик, где ослабленным болезнью детям назначается специальная гимнастика,

массажи, витамины, физиолечение. Я помню, как я обрадовалась – ведь теперь можно будет занять место Леночки, и Ирина Петровна станет причесывать меня и побежала за расческой; но вместо нежного прикосновения, получила царапающую, малоприятную процедуру, и больше уже не повторяла попыток.

Потом была школа. И снова вздох восхищения, и устремленные восхищенные взгляды достались не мне – другая девочка с огромными белыми бантами в кружевном переднике подпрыгивала на плече огромного одиннадцатиклассника и звонила в начищенный, бросающий солнечные блики, перевязанный красной ленточкой колокольчик. Она заливисто смеялась от восторга, и ее смех, порой, перекрывал слабый серебристый звон колокольчика.

Но вскоре я забыла и о Леночке, и о смеющейся девочке. Началась учеба. О, как мне нравилось выводить на белом глянцевого листке кружочки, палочки, буквы и цифры! Я так старалась, так старалась, и мое усердие было щедро вознаграждено! Мои тетради были идеальны, очень скоро в них появились ласкающие надписи: «Очень хорошо!», «Отлично, Оля!», «Молодец!» По несколько раз в день я открывала тетради, хвастаясь всем напрапую: девочкам в классе, соседу по парте, который показывал мне язык (у него в тетрадках подобные записи появлялись очень редко), родителям, знакомым, дедушке с бабушкой. И все они улыбались мне и хвалили. Так продолжалось долго, очень долго, класса до восьмого. Учеба давалась мне легко, дневник и классный журнал были усеяны, практически, одними пятерками. Если же очень редко промелькивал балл пониже, я с жаром хваталась за учебники и быстро выправляла положение. Учиться было интересно. Стоит ли упоминать, что я была отличницей? Сейчас я понимаю, что это было счастливейшее время в моей жизни! Но все проходит быстро, а счастливые дни – в особенности.

В восьмом классе к нам пришла новенькая. Едва она вошла в класс, как я внутренне обмерла. Мне показалось, что это та самая Леночка, завистью к которой я мучилась в детском саду. (Теперь-то я знала, что это чувство называется завистью). Девочка была гораздо выше меня ростом, белокурые волосы небрежными локонами разметались по спине, большие серо-голубые глаза смотрели на окружающих с неподдельным интересом, правильные черты лица оттенялись нежным румянцем. По классу прокатился мальчишеский рокот восторга, потом стали раздаваться выкрики:

- Как тебя зовут?
- Садись к нам с Мишаней, мы подвинемся!
- Откуда ты?

Классная еле уняла шум и представила новенькую:

– Галина Хрусталева теперь будет учиться в нашем классе. Прошу любить и жаловать! Галочка, (она именно так и сказала, наша строгая, непримиримая классная Нинка!) как у тебя со зрением?

- Спасибо, хорошо, – зарделась Хрусталева.
- Ну, тогда садись за предпоследнюю парту, а то у нас Калезин в гордом одиночестве мается. А ты, Калезин, смотри у меня!
- А, чо я? Чуть что, Калезин... Я ее еще и пальцем не тронул.
- Я тебе трону!
- Да что Вы, Нина Ивановна, пугаете мной, как монстром каким-то! Разве такую беленькую да хорошенькую можно обидеть? Ее любить надо.

Что ты имеешь в виду?

– Товарищеские чувства одноклассника к однокласснице, конечно же. А Вы что имеете в виду, Нина Ивановна?

Классная покраснела и стала, молча, раскрывать классный журнал.

За время этой перепалки новенькая успела обосноваться за столом, выложить учебник, тетради, ручки, карандаши, линейку, ластик. И все это так невозмутимо, словно разговор ее совсем не касался. Все головы были повернуты к предпоследней парте, но взоры были прикованы не к переписывающемуся Калезину, а к новенькой.

Между тем, Нинка начала опрос. Новенькую пока не спрашивали. И воспользовавшись передышкой, она наклонилась к Калезину и шепотом спросила:

– Тебя как зовут?

– Юра.

– Приятно познакомиться, – и она протянула узкую кисть.

Юрик шутливо пожал протянутую руку.

– Мне тоже.

В тот день меня ждал удар. Пока шел опрос, Хрусталева сидела тихо и смиренно. Затем, по обыкновению, химичка загрузила нас практической работой – задачками. Мне еще предстояло решить последнюю, когда услышала: «А ты, молодец!» В первый момент я даже не поняла, что классная обращается не ко мне, ибо, в нашем классе этот химический набор могла перевернуть только я. Но Нинка стояла рядом со столом новенькой и явно смотрела в ее тетрадь!

– Иди, Галина, к доске, – торжественно сказала классная, – и объясни классу решение третьей задачи.

Новенькая подошла к доске, старательно стерла ранее написанное и, не торопясь, но как-то очень аккуратно и хорошо стала выстраивать на доске решение. С каждым ее словом меня все больше охватывало раздражение. Даже нежный голос стал казаться тонким и писклявым. Пытаясь унять себя, я старалась не слушать объяснений, но что-то черное стало затапливать душу, опускаясь мраком на разум. В это мгновение мне стало понятно, что меня посетила ненависть, впервые в жизни.

С этого дня ненависть поселилась во мне, как болезнь. Занятия потеряли свою привлекательность, размышления о том, как бы подставить подножку новенькой одолевали меня во время уроков. Я становилась рассеянной. Классная что-то заметила, но приплела это поначалу к переходному возрасту. Однажды она даже попыталась пошутить: «Ну, всех весна одолела, даже наша Оля о чем-то мечтает всю химию напролет!» Но я не мечтала, в моей голове теснились злые мысли. То мне хотелось остричь новенькую налысо, нет, чтобы у нее завелись вши и ее обрили налысо! То, чтобы ее покусали собаки; то, чтобы у нее пропал голос – ее противный тонкий голос, который звучал теперь практически везде: она отвечала у доски, смеялась на переменах, окруженная моими одноклассниками и одноклассницами. Даже моя подруга Вера переметнулась поначалу к ней, но, видя, что со мной творится что-то неладное, поинтересовалась о причине. На мой вопрос: «Что вы в ней все нашли?» – Вера закатила глаза и молитвенно сложила руки: «Так ведь она, прелесть!» Да, с новенькой носились все. Даже старшеклассники уделяли ей внимание. Правда, внимание несколько иного рода.

Однажды Хрусталева опоздала на урок, опоздала совсем немного, но она рывком открыла двери уже после прихода историка. Он кивком разрешил ей войти. Галя явно была не в своей тарелке: обычно сидевшая на ней безупречно одежда, была в беспорядке – верхняя пуговка на голубой блузке болталась на ниточке, угрожая отвалиться совсем; стрелка нагло выбиралась из-под темно-синей плиссированной юбочки и ехала по дымчатой поверхности через колено до лакированной туфельки; волосы были растрепаны, щеки пунцовели, в глазах стояли слезы. Она почувствовала взгляды, подошла к парте, сгребла свои принадлежности горстью в сумку (чего с ней никогда еще не было: ее ученическая сумка была наполнена пеналами, коробочками, папками – у каждой мелочи было свое место) и быстро пошла к выходу, выдавив

из себя в сторону историка: «Извините, Николай Владимирович, я плохо себя чувствую. До свидания». Несколько дней Галя не приходила в школу, зато приходил ее отец – высокий, строгий, в дорогом костюме. По школе уже ползли слухи, что Варварин из одиннадцатого затащил нашу новенькую в спортзал и пока его дружок, такой же отморозок Никишин, держал дверь, лапал ее, как хотел. Как она вырвалась оттуда, не знаю, наверное, просто прозвенел звонок.

Слухи подтвердились: Варварина и Никишина вызвали к директору школы. Девчонки из одиннадцатого «Б» говорили, что они отсутствовали довольно долго, затем отправились за родителями. Родители Никишина примчались пулей и о чем-то долго и слезно молили директора. А родители Варварина не сочли нужным даже появиться. Уж на что я не жаловала Хрусталеву, даже меня возмутило происходящее. Генка Варварин был бичом нашей школы: наглый, неуправляемый верзила, лапающий девчонок всех старших классов. Говорят, Лидка из десятого «Г» бросила школу, потому, что была беременна от него. А еще говорят, что отец этого самого Варварина – местный авторитет и именно поэтому с ним не может справиться никто: ни преподаватели, ни завуч, ни директор – просто-напросто боятся.

Видимо Хрусталевы побились – побились, пытаясь защитить честь дочери... да и перевели ее в другую школу.

После ухода новенькой, так и не ставшей «старенькой» в нашей школе, жизнь пошла своим чередом. Мне светил отличный аттестат, о своих прежних переживаниях я почти не вспоминала – все пронеслось и закончилось быстро, как дурной сон. Но это была лишь короткая передышка в моей жизни.

Прошло, пронеслось, пропело лето, последнее спокойное бесшабашное лето моего детства. На всю жизнь мне остался его свет. Когда мне становится совсем невыносимо, я вспоминаю запах скошенной травы на лужайке перед бабушкиным домом, старенький плед, на котором я загорала, приземистую яблоню, с нависшими сочными кисло-сладкими яблоками, пчелу, убаюкивающую жужжанием над барвинком. Свет моего детства, ну, почему ты не спас меня? Ну, почему?

А еще был сон в последнее лето моего детства, притягательный и ужасный одновременно. Сон накануне шестнадцатилетия. Я шла по тропе, именно по тропе, настолько широкой и ровной она была, без ям и ухабов, тропа, окаймленная тонкой изумрудной травкой. Было весело, теплый летний ветерок ласкал лицо. Я даже помню, что он был напоен запахом каких-то летних цветов. Внезапно тропа вывела меня на широкий пригорок. Я взошла на него и огляделась. Теперь вниз сбегали две тропинки поуже в разные стороны. На восток тянулась какая-то неказистая, бугристая тропинка, которая, впрочем, поодаль становилась ровнее и чище, а с середины снова начинала напоминать начало моей тропы: та же изумрудная травка по краям, вокруг душистые полевые цветы. Еще дальше тропа уходила к небольшому чистенькому под красной черепицей домику с вишневым садочком и хрустальным источником, выложенным камнями чьими-то заботливыми руками. Я даже могла рассмотреть кружево на его окнах и крупные вишни среди листвы. Небо над домиком было нежно-лазоревым. Одно окно было распахнуто, и я видела улыбающиеся лица, смутно-знакомые. Люди что-то говорили мне, их приглашающие жесты были плавными и мягкими. Все бы было хорошо, но вот до середины эта тропинка выглядела непрезентабельно: то уже, то шире, вся в выбоинах, местами завалена какими-то прутьями, ветками; – и я чувствовала, что тот колючий куст шиповника, который вырос совсем рядом и нагло простирал ветки вширь, обдерет меня до крови, когда мне придется пробираться мимо. Зато вторая тропинка, ведущая на запад, не вызывала никаких сомнений: пусть не очень широкая, но ровная и чистая, присыпанная золотистым речным песочком, окаймленная садовыми цветами – львиным зевом, мальвой, сиреневыми головками бессмертника. Совсем недалеко тропа переходила в мощеную дорожку, а дорожка вела к двухэтажному

комфортабельному особняку, как с открыток немецких городов. Какие-то незнакомые, хорошо одетые люди входили и выходили из единственного подъезда, обменивались рукопожатиями, приветствиями. Веселая громкая музыка доносилась со стороны именно этой тропинки. Ноги сами понесли меня к ней. Сначала я припустила, чуть ли не бегом, так мне хотелось побыстрее достичь своей цели; но потом я поумерила шаг, но, по-прежнему, меня интересовал только особняк. Музыка становилась все громче и веселее, мне уже стал виден уставленный блюдами стол, накрытый на лужайке слева от дома; официанты обносили собравшихся людей, все смотрели в мою сторону, ожидая меня. Вдруг я застеснялась – люди выглядели rispetабельно, а на мне были джинсы и старенькая футболка, но тут же я почувствовала перемену: по коже заструился шелк и непонятно откуда выплыло зеркало. Скользя взглядом по отражению, я осталась довольна: на меня смотрела вылощенная ухоженная молодая женщина в шелковом бежевом костюме, в серьги вкраплены огромные зеленые самоцветы, кольцо, перстень. Лицо и фигура остались теми же, моими, но появился лоск, который приобретается в фитнес-клубах и салонах красоты. Я уверенно шагнула к ожидавшим меня людям. Мир закружился вокруг меня – здесь я была желанна, как нигде и никогда прежде. Шампанское охлаждено, официанты – безупречны, окружающие взирали на меня так, будто я для них подарок с небес.

Потом все переменялось: то тут, то там я замечала, что люди, улыбавшиеся мне лицо, отворачивались, перешептываясь друг с другом, поглядывая в мою сторону с насмешкой и пренебрежением. Мне стало грустно, и я решила подняться в дом. В доме было запустение: явственно дыхнуло затхлостью, старость и неустроенность смотрели на меня со всех углов – запыленные зеркала, паутина в углах, разохшаяся мебель, потрескавшаяся краска на стенах и дверях. Все это было так неожиданно, что я остановилась на пороге, мигом окинув взглядом этого такого комфортабельно выглядевшего в фасада дома! Мне расхотелось заходить внутрь, и я ушла, прикрыв за собой застонавшую низким тягучим скрипом дверь. Вышла в сад. Он был в таком же запущении, как и дом: высохший фонтан в виде рыбы с отбитым хвостом. Рыба, видимо, настолько давно не получала влаги, что раскрыла рот в последнем судорожном вздохе, да так и замерла. Кусты в темно-зеленой пыльной листве, застыли пугающими комьями по углам ограды. В плотной тени деревьев не росли цветы, даже вездесущая трава была желтой и блеклой. Я подняла глаза на дом, и каким же старым и обшарпанным он выглядел с тыла! Не обладая хорошим зрением, я и то заметила, что рамы прогнили и покосились, краска облупилась, выставляя напоказ зияющую черноту дерева. Гулять по саду расхотелось. Я решила вернуться к людям. Но перед домом было пусто. Неубранный стол шелестел под усиливающимся ветром залитой вином скатертью, тарелки уже не стояли стройно и весело, а были разорены и сдвинуты множеством рук. И странно было слышать развеселую музыку в этом безлюдье! Я кинулась к воротам, но выйдя из них, не обнаружила дорожки, приведшей меня сюда. И вообще я не узнавала места; низкие тучи надвинулись, обещая затяжной моросящий дождь, вдалеке чернел лес, и вокруг не было ни души!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.